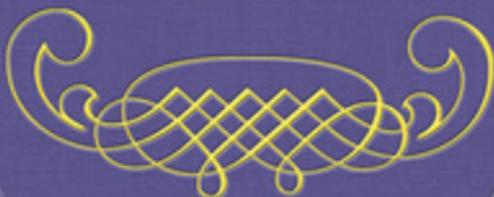

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Колдунья

«Была осень. Близ засеки, в полуверсте от села, стояла новая непокрытая изба, вокруг которой в беспорядке лежали срубленные деревья.

В избе, на кровати с ситцевым одеялом, сидела молодая больная мещанка, прислушиваясь к ветру, потрясавшему рамы и стекла...»

**Николай Васильевич
Успенский
Колдунья**

Была осень. Близ засеки, в полуверсте от села, стояла новая непокрытая изба, вокруг которой в беспорядке лежали срубленные деревья.

В избе, на кровати с ситцевым одеялом, сидела молодая больная мещанка, прислушиваясь к ветру, потрясавшему рамы и стекла.

В избу вошла низенького роста пожилая баба с мешком муки за плечами.

– Здравствуй, матушка; аи больна чем? – сказала баба, перекрестившись на образа и вскинув черными глазами на хозяйку.

– Больна, Марья: лихорадка бьет.

Хозяйка обнаружила беспокойство и начала ощупывать подле себя шубу.

– А где же муж-то?

– В засеку поехал; он скоро приедет.

– А я вам принесла два пуда муки, помнишь, я брала у вас хлебом, – сказала баба, садясь на скамейку и с каким-то робким недоверием поглядывая на хозяйку. – Аи у вас до сих пор нет работницы? Ноне они дороги стали... А я хотела попросить деньжонок у Амеляна Трофимыча – за иструб; ведь мы вчетвером его срубили; и моя доля тут.

Наступило молчание. Больная оделась в шубу, подошла к двери и проговорила:

– Что это он не едет? пора бы ему...

– Ничего, я подожду, матушка, – ответила Марья и пристально, но ласково посмотрела на хозяйку. – Анна Тихоновна! – вдруг сказала баба, – может быть, ты меня боишься?

– Нет, Марьюшка, – ответила больная, в замешательстве отворяя и опять затворяя дверь.

– Что я за оглашенная? – сказала баба, – ведь я вижу, что ты меня боишься! Я знаю... тебе небойсь сказали, что я колдунья.

Больная, по-видимому, сконфузилась.

– Я, Марья, этому не верю... мало ли что народ говорит?

Баба стала перед образами и воскликнула:

– Анна Тихоновна! вот тебе святые иконы! Убей меня господь, ежели это правда... Сошли мне господь истаять, как свечка тает!.. Царь небесный, батюшка, видит, сколько я перенесла от людей.

У бабы навернулись слезы; она снова села на скамейку и, сделав жест рукой, продолжала:

– Ну, постой, я тебе сейчас расскажу, за что меня прозвали колдуньей... Говорить аль нет?.. Может быть, я тебя беспокою?..

– Нет, Марья; известно, я здесь живу недавно и ничего не знаю; а от баб ваших я слышала...

– Ну, вот что же! – опять ставши перед образами, начала Марья.

– Создай мне, господи, чтобы мои руки-ноги отнялись, тресни...

– Марья, Марья! не божись... я тебе верю... Я боюсь такой божбы!

– Ах, Анна Тихоновна! за что я терплю такую напраслину?..

Наконец, баба начала рассказ:

– Жила я у своего дяди. Девчонка я была проворная и ростом махонькая, хотя и года мне вышли; замуж меня никто не брал, потому что я была сирота и ничего не имела.

Однава, зимою., подле нас ходили нищие – старуха с сыном; сын был взрослый; и стужа такая стояла на дворе – лютая! а одеты они были в худеньких кафтанах, и, видно уж, чему быть – то, верно, богом назначено, мне их стало с чего-то и-и-и-их жалко! и дала я им по

кусочку, а погреться позвать не посмела от дяди...

Вскоре приходит к нам одна баба и говорит: «А что вы не отдаете Марью за нищего малого Андрея, за побирашку-то? ведь ее замуж никто больше не возьмет; хоть она девчонка моторная, да мала ростом – и сирота!»

Дядя мой и согласился выдать меня за того нищего малого. Так я и вышла за него.

Вошла я к ним в разваленный дом, и на дворе у них только и было: курица да кочет... Стали мы жить. Старуха тут померла; старик все сидел дома и ничего не делал, а мы с мужем все побирались; мой муж был такой хворый и какой-то, прости меня господи, ляд: что, бывало, ни наберет, все пропъет.

Года через два мы нанялись стеречь скотину; я начала думать, что на мужа надежда плоха, а надо мне самой копеечку собирать...

Года через три мы стали наниматься в работники, где за плату, а где из хлеба... И много, моя голубушка, зазнали нужды!.. Дворик наш все стоял разоренный... Однако я маленько сберегла деньжонок, и бросили мы найматься в работники, а стали жить дома.

Жили мы здесь в селе; место тут засечное, а в засеке в те поры было слабо. Начали мы с мужем по ночам возить лес; он, бывало, повозит да ляжет на печку – от живота... А я приmuşь одна возить... Лошадку когда люди дадут, а когда нет... три года я на себе дрова носила и воду возила... бывало, беременная работаешь!.. и не успеешь поправиться после родов, – а все в работе, потому все на мне лежало; к тому же обужа, одежда были плохие. Однажды я поехала с мужем в засеку ночью – дуб наваливать, да там и родила... так дуб и не привезли; после муж побил меня... Пьяный человек! Кое-как да кое-как поставили мы себе хатку. Осенью я набрала мер шесть орехов да продала за пять целковых и на эти деньги купила себе телочку, только она не пошла в руку, издохла... Я стала опять копить денежку; бывало, ежели захочешь покупать коровенку али жеребенка (я всегда сама заправляла этим), пойдешь к одному, другому – спросишь, – как бы не ошибиться... Один скажет то, другой – другое, и сличаешь... И выучилась я узнавать скотину.

Раз продают на слободе корову, и такая

она на вид дохлая, – и всю-то ее можно в беремья унести, весу пуда три, а просят недорого. Я попытала ее и вижу, что коровка добрая; помолилась богу, что будет не будет, отдала деньги и привела к себе: вот-то от этой коровы у меня идет весь завод; у меня теперь, моя матушка, две телочки такие – по селу не скоро найдешь... (Рассказчица перекрестилась.) Лошадку я тоже сама купила. Также начала я иструбчиками⁽¹⁾ промышлять. Войдешь с кем-нибудь в часть, и поставим иструбчик, а после продадим.

Так вот я тебе хотела сказать, за что невзлюбил меня народ-то. А вот за что: бывало, что я себе ни куплю, овечку ли, поросенка ли, и все мне удастся, а оттого царь небесный посылал, что я научилась узнавать в них толк.

– Отчего же у тебя телушки-то хороши? – спросила хозяйка, по-видимому увлеченная житейской картиной.

– Да, правду сказать, оттого, что я в них души не чаю; кормлю их, сама не евши... иногда, случается, завернет стыдь, так я их на ночь своим кафтаном и одену; а когда они бы-

ли махонькие, я их месяца три одним молоком поила: вот отчего они такие.

– А сами-то, верно, не хлебали молоко?

– Нет! А отчего не хлебали? признаться, у нас о ту пору велась убоина; боровка зарезали... Так-то, матушка моя! А еще потому меня невзлюбил народ и прозвал колдуньей, что я по гостям никогда не хожу да что у меня черные глаза; а есть когда мне по гостям-то ходить!.. А уж сколько отведала я горя-то от людей!.. мне на свет божий нельзя показаться; а ведь разве мне хотелось на срамоте-то людской жить? Да и побоев немало приняла...

– Ну, вот что, Марья: я слышала, ты и в церковь не ходишь; отчего ты в церковь не ходишь?

– Анна Тихоновна, да нешто мне не хотелось бы с людьми во храм пойти? разве мне не хочется встретить праздник, как добрые люди?

– Отчего же ты этого не делаешь?

– А вот отчего, моя милая: некогда, недосуг мне! мне дыхнуть некогда! Ты спроси-ко: у меня ведь двое маленьких детей, а там старик; он тоже ничего не делает, только лежит

на печке; а муж, я говорила, какой он... Намесь говорю ему: «Пойдем воды принесем», – так бросился колотить. На всех все я одна! Матушка моя! я вот тебе расскажу, что я делаю-то: встанешь поутру, подоишь корову, прогонишь ее в стадо, а там прогонишь телят на выгон, придешь домой – принесешь воды, почистишь картофель, истопишь печку, соберешь позавтракать мужу с свекором, а там муки нет – надо на мельницу; а тут веретья нет – пойдешь добывать; все село обходишь: у того нет, другой не дает; а там раз пятнадцать в день-то сбегает в одонья свиней согнать, а там скотина своя пришла; надо ей дать корму, а там муж зовет – сарай покрыть, там плетень повалился... А как придет рабочая-то пора! Веришь али нет? рубашонки, рубашонки своей некогда зашить... вот лаптей и то нету! отчего же я перед тобой ноги-то поджимаю? – лапти развалились, онучи сопрели!.. разве нужд-то мало? Поживешь, друг, увидишь... иное место ум расступается! Опять же я все сама во всякий след... Я смогу и лошадь заперечь, я не впервой одна езжала в город хлеб продавать. Бабье ли это дело?.. а нужда на-

учит всему!..

Баба замолкла. У двери с улицы раздался визг свиней.

– Вот они визжат! – продолжала Марья, – надо им чего-нибудь дать; так-то и всякое дело!

– А что, Марья, не потрудишься ли ты снести моим свиньям чугуна с помоями? Сама-то я почесть не выхожу из избы.

– С чего же? Под этой лавкой чугуна-то? Баба вынесла чугуна и вскоре воротилась.

– Ох, Анна Тихоновна, трудно, трудно жить на белом свете! Так-то вот с тобой я побеседовала, будто меду напилась...

– Вот что, Марья: скажи мне, как вот ежели выбирать корову: хороша она или нет? У нас еще нет коровы.

– А вот как: пуще всего смотреть надо хвост: ежели у ней самая кортень идет ниже колен, то это лучше не надо; у меня была корова, так та, бывало, хвост-то взбросит себе на спину: тяжел был... Еще надо искать по бокам колодези... а еще по зубам: чет али нечет... это тоже к молоку хорошо...

– Ну, а лошадей как узнают?

– А у лошадей смотрят лады, ноги; пуще всего надо толстые ноги, а шашки чтоб невысоки; тоже зад чтоб был широкий; а вот ежели нижние челюсти тонки и под шашками коготки, то это добрая и на езду скорая лошадь...

Марья помолчала и заключила:

– Вот за то-то и прозвали меня колдуньей.

Года через полтора Марья умерла. Мужики нашли необходимым в ее могилу загнать осиновый кол...

1863

Комментарии

1

Иструб – срубленная вчерне изба без крыши или колодезный сруб (обл.).

[^^^]